

Вставки в аспекте дискурсивных категорий

«Insertion in the Context of Discourse Category»

by Natalija Perfiljeva

Source:

Man and the Word (Žmogus ir žodis), issue: 03, vol.6 / 2004, pages: 27-35, on www.ceeol.com.

The following ad supports maintaining our C.E.E.O.L. service

eBooks on Central, East and Southeast Europe

**Die polnische Wende
1989 in der DDR-Press.
Eine Quellensammlung**

**The Polish Political Change 1989
Reflected in the GDR Press.
A Collection of Sources**

By **Tytus Jaskułowski**

Osteuropa-Zentrum Berlin, Berlin, 2007
(in German)

This book is a source of the East German press publications from the 1989-1990, which had dealt with the origins, causes and effects of the peaceful revolution in Poland (January - Dezember 1989).

more on:

www.dibido.eu

**Вставки в аспекте
дискурсивных категорий**

**Įspraudai diskurso kategorijų
kontekste**

Natalija PERFILJEVA
Novosibirsko valstybinis pedagoginis universitetas
Viliuiskaja g. 28, Novosibirskas, Rusija, 630126

**Summary
Insertion in the Context of Discourse Category**

The article is dedicated to linearity as a category of discourse or text. The author interprets linearity as a standard of discourse and connects it with metatextual operators. Usually linearity is not verbalized. An addresser usually uses insertions for destruction of linearity of speech. There are textual insertions. The author distinguishes 3 kinds of textual insertions: implicate, verbal and explicate. There are the metatextual elements or phrase in the

verbal insertions, and they are important in communicate acts, and . The author carefully analyses every context in the aspect of pragmatic functions in discourse or text. In other words, linearity of discourse or text is connected with the concrete speech situation, the intention of addresser and the factor of the addresate.

Key words: *вставка, текст, линейность, дискурс, метатекст, прагматика*

Santrauka

Straipsnyje pateikta įspraudų analizė siejama su diskursu ir tekstu. Pagrindiniu integraciniu įspraudų santykio su diskursu ir tekstu nustatymo principu pasirinkta linijiškumo kategorija.

Remiantis F. De Sosiuro, L. Tenjero moksliniais darbais, linijiškumo sąvoka straipsnyje panaudojama įspraudų funkcijoms nustatyti. Viena iš pagrindinių įspraudų funkcijų laikytina metateksto eksplika-

cija. Be to, straipsnyje siūloma skirti tris dažniausiai tekste sutinkamus įspraudų tipus: eksplikacinius verbalinius ir punktuacinius bei implikacinius įspraudus. Pirmieji adresuojami skaitytojui ir apibūdinami kaip padedantys suvienodinti sėkmingai komunikacijai užtikrinti būtiną informacinį foną.

Reikšminiai žodžiai: *вставка, текст, линейность, дискурс, метатекст, прагматика*

Вступительные замечания

Современная научная ситуация характеризуется тем, что каждый исследователь выдвигает свой набор признаков текста, одни из которых являются характеристиками текста как целостного произведения, а другие - свойственны и собственно тексту, и дискурсу. К таким признакам, категориям относится линейность. Она прежде всего относится к характеристикам дискурса и мало заметна за скрывающей ее очевидностью.

Вообще мысль о линейном характере речи принадлежит Ф. де Соссюру (Соссюр, 1990), её развивает в формальном аспекте Л. Теньер: материал, из которого строится речь, - это

последовательность звуков или фонем, которую мы воспринимаем с помощью органов слуха и которая является словами или высказыванием. Эту последовательность лингвист назвал речевой цепочкой. подчёркивая её одномерность и однонаправленность. Речевая цепочка предстаёт в виде линии, вектор которой направлен, подобно времени, в одну сторону, Особенно ярко проявляется линейный характер письменной речи, как справедливо отмечал Л. Теньер, в виде линии-строки: «По существу, любая книга представляет собой не что иное, как одну длинную строку, лишь нарезанную на мелкие порции ради удобства размещения на странице» (Теньер, 1988, с. 29). В пределах

предложения линейность проявляется в цельной, плавной. «неразорванной» интонации и в силу стандартности ситуации редко осознается лингвистами и носителями языка.

Линейность дискурса можно определить как вид синтагматических отношений, отражающих векторную направленность слева направо и реализующих и н ф о р м а ц и о н н о - л о г и ч е с к у ю последовательность высказываний. которая базируется на развитии основной тематической/ сюжетной линии и представляет один функционально-смысловой тип речи.

Как правило, при интерпретации текста/ дискурса это его свойство не замечают, иногда его отождествляют со связностью, поскольку в стандартной ситуации средства выражения обоих параметров совпадают. Это слова одной лексико-семантической парадигмы, местоимения, союзные скрепы, лексический повтор, коррелятивные видо-временные пары глаголов, вербальные показатели метатекста. Так, например, такие метапоказатели. как **следовательно, значит, стало быть, выходит** эксплицируют одновременно и связность, и линейность речи: *Лучшим и талантливейшим» был наименован покойник Маяковский. Его травлили, но за травлю никто не был наказан. Значит, сам по себе, как человек, Маяковский был малоинтересен. В нем нуждались как в «столпе», идоле (А. Панченко).*

В текстоцентрическом плане линейные отношения отражают последовательное изложение событий, которые в действительности следовали друг за другом,

и построение высказываний, отражающих отношения логического вывода:

Итак, линейность речи мы, носители языка, обычно осознаём как норму. Но, как всегда, ярко это свойство дискурса проявляется в аномальных ситуациях. Например, в «Журнале Печорина» (роман «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова) мы встречаем метавысказывание **Перечитывая эту страницу, я замечаю, что далеко отвлекся от своего предмета** (запись от 3-го июня). Иногда коммуникант из чисто прагматических соображений намеренно прибегает к деструкции дискурса, то есть нарушает его линейность. Ср.: *Соболев говорил, отрывисто, горько и, кажется, искренне. Варя искренность оценила. И ещё, конечно, догадывалась, к чему дело идёт. Могла бы вовремя остановить, увести разговор в сторону, но не хватило характера (Акунин, выделено курсивом мною - Н. П.).* Подобная коммуникативная ситуация может иметь вид: *- Ну вот, я нескладно выразился, - развел руками Анвар. - Я не могу разрешить себе влюбиться всерьёз, это было бы непозволительной роскошью. И не будем об этом. Лучше давайте я отвечу на ваш вопрос. Обмануть или убить друга -тяжкое испытание, но иногда приходится переступить и через это (Акунин).* Конечно, линейность классически реализуется в тексте с линейной тематической прогрессией, однако наиболее очевиден факт существования этого свойства дискурса, когда мы сталкиваемся с тематическим скачком или если происходит её разрушение («слом», «разрыв») с помощью, например, вставки.

Вставки в аспекте дискурсивных категорий

Вообще явление вставочности в когнитивном плане можно объяснить, опираясь на идею современного естествознания о том, что квантовый характер неорганического и органического миров свойственен и работе человеческого мозга (Stapp, 1982, с. 389), и мысль Е. И. Дибровой о квантовом режиме речевого мышления человека, проявляющихся в процессах письма или говорения.: «квантовость (дискретность) человеческого мышления и выход его в речевых актах в

виде отдельных порций большего или меньшего объёма определяет структуру содержания текста. Прерывистость мысли спонтанна, произвольна: она проявляет себя в пространстве текста» (Диброва, 2001, с. 300). Квантовость мышления приводит, по её мнению, к содержательной дискретности -мыслительной и графической в виде отдельного самостоятельного предложения, абзаца, главы. Думается, что трудности, которые возникают у говорящего при реализации линейных отношений в дискурсе,

объясняются именно квантовостью мышления. Иными словами, чтобы построить нормативный текст, адресанту необходимо преодолеть квантовость мышления.

В лингвистической литературе встречается два типа толкования вставок. Графический подход отражён в дефиниции, принадлежащей А. Ф. Прияткиной: «Вставки - это любая часть текста, заключённая в скобки» (Прияткина, 1990, с. 157). Более распространён многоаспектный подход к вставке, который реализуют В. А. Шаймиев (Шаймиев, 1981), Т. А. Колосова (Колосова, 1997), М. В. Ляпон (Ляпон, 1997) и др. Приведём определение Е. И. Гавриловой, которое наиболее полно отражает многоаспектный подход к вставкам: «Под вставкой мы понимаем высказывание, как правило, формально лишённое самостоятельности путём включения его в другое высказывание, особым способом связанное с ним (что находит выражение в интонационном разрыве на границе вставки и включающего контекста и на письме маркируется скобками, тире или многоточиями), нарушающее линейность речи и создающая двуплановость повествования» (Гаврилова, 2003, с. 5).

Обе интерпретации вставок ориентированы преимущественно на высказывание-предложение. Однако вставки нарушают векторный, линейный, характер речи, вторгаясь в текст (Шаймиев, 1988; Перфильева, 1994) ил.;? даже слово (Перфильева, 2000):

*Нет места в нашей квартире,
Где бы она ни спала -
От А
(бажура)
До Я
(щика письменного стола).
Вы можете перечислить
(Если сможете!) весь алфавит,-
Ручаюсь, на каждой букве
Эта рыжая кошка спит!* (Заходер)

При обращении к фрагменту оды Б. Заходера «Кошка Вьюшка» становится совершенно ясно, что вторжение вставки в пространство предложения или тем более слова жёстко детерминировано авторским замыслом. Автор как будто бы использует скобки для графического членения слова как

приём языковой игры, но смысл её становится очевидным в рамках широкого внешнего контекста, а особенно, в пределах цикла стихотворений. Вставки вроде бы нарушают формально основную тематическую линию (*квартира, спать, кошка, абажур, ящик*), но именно они, нарушив цельнооформленность слова, позволяют читателю легко «вычитать» представленный линейно, без вставок, фразеологизм *от А до Я*, который вступает во внутритекстовые связи со словами; *буква, алфавит, перечислить*, - и интерпретировать его как показатель гиперсвязности, то есть связности в пределах цикла оды «Кошка Вьюшка» со стихотворением «Буква Я» и циклом «Мохнатая азбука» Б. Заходера. Таким образом, этот контекст интересен тем, что линейность в нём нарушена формально, ради обеспечения главного смыслового хода - внутренней линейности - и взаимодействующей с ней гиперсвязности.

При размышлении над синтаксисом связной речи, и текста в том числе, становится очевидно, что вставка - явление текстовое. В данном случае имеется в виду не столько то, что замысел адресанта (почему он ввёл вставку, почему некий текст насыщен вставками) можно объяснить с текстоцентрической позиции, сколько сам факт существования собственно текстовых вставок. **Текстовая вставка**, как и вставка в предложении,- относительно авто сем античный отрезок текста, которому свойственны следующие дифференциальные признаки: 1) вставка состоит из одной фразы или группы высказываний, 2) нарушает линейность дискурса (синтагматические отношения), иногда и с помощью интонации, 3) представляет собою высказывание оценочного характера, попутное замечание пояснительного или ассоциативного характера, афоризм, внутреннюю речь персонажа или информацию об особенностях его речевого поведения, других коммуникативных характеристиках; 4) служит выравниванию фоновых знаний собеседников и /или выполняет эстетическую, композиционную функцию в создании нсономерного высказывания, например: *Второй этап алмазодобывающей промышленности охватывает*

десятилетие с 1967-го по 1976 год, когда флагманами алмазной индустрии стали обогатительная фабрика номер три и карьер «Мир», вобравшие в себя весь накопленный за первые годы опыт, достижения науки и техники, известные к тому времени в обогащении и горном деле. Для обоих направлений в этот период характерно резкое повышение качественных показателей и обеспечение высокой производительности.

Здесь уместно сделать одно отступление. Алмазодобывающая промышленность в Якутии начиналась не только с опыта Урала, но с попыток использовать самую передовую технологию извлечения алмазов, известную в мире к середине пятидесятых годов. Так, фабрика номер три была спроектирована на использование стадийного дробления, тяжелосреднего обогащения, внедрявшихся тогда только в Южно-Африканской Республике. Однако мы быстро убедились в ограниченности возможностей этой технологии для наших условий. Поэтому ничего не оставалось делать, как создать собственную технологию обогащения и горных пород. И она была успешно создана.

На фабрике номер три в шестьдесят девятом году освоены первые бесшаровые мельницы, а на карьере «Мир» - мощные сорокатонные самосвалы БелАЗ-548 и автоматизированная система управления горнотранспортными работами «Карат» (Солдатов). Достаточно часто в разговорно-бытовом дискурсе говорящий отклоняется от основного хода / линии речи (рассуждения, повествования и т.д.), и иногда так далеко, что возвращение к первоначальной теме разговора, к месту, где произошло переключение с одной линии на другую, вербализуется метавысказываниями типа: **О чём я говорил!**, или **На чём мы остановились?**, или **Вернёмся к исходному тезису.**

Вообще текстовые вставки могут быть как эксплицитные, как и имплицитные.

Имплицитные текстовые вставки не содержат никаких маркёров, представляют собою автономный отрезок текста разной

длины, который нарушает линейность дискурса в содержательном плане: *Любовь не приходила ему на ум, - а уж видеть графиню каждый день было для него необходимо. Он повсюду искал её встречи, и встреча с нею казалась ему каждый раз неожиданной милостью неба. Графиня, прежде чем он сам, угадала его чувства. **Что ни говори, а любовь без надежд и требований трогает сердце женское вернее всех расчётов оболыщения.** В присутствии Ибрагима графиня следовала за всеми его движениями, вслушиваясь во все его речи (Пушкин).* В данном контексте повествование прервано высказыванием афористического плана.

Выявление в тексте имплицитных вставок может составлять трудность для интерпретатора, поскольку целиком зависит от его филологической компетентности, умения анализировать текст, ибо границы вставки эксплицитно не обозначены ни в устной, ни в письменной речи, а протяжённость их может быть различной. Так, например, в первой главе «Арапа Петра Великого» А. С. Пушкин повествование, посвящённое, Ибрагиму, прерывает вставкой протяжённостью в два абзаца, в которой дана краткая характеристика последних лет царствования Людовика XIV. Несмотря на названные выше факторы, осложняющие квалификацию отрезков текста как имплицитных вставок, в дискурсе они встречаются часто, поскольку любой языковой личности, даже мастерам художественного слова, видимо, сложно осуществлять постоянный жёсткий самоконтроль относительно собственной речевой деятельности и следовать правилу «Будь последователен и не отклоняйся от темы». А иногда свои «требования диктует» сам языковой материал, композиционное решение автора (например, лирические отступления в художественном тексте) или специфика коммуникативной ситуации.

Имплицитные вставки можно опознать по таким косвенным маркёрам, которые часто комбинируются; 1) лексические «помощники», выполняющие метаязыковую функцию, - *Мне объявили, что я должен прожить тут ещё три дни, ибо «оказия» из Екатеринограда ещё не пришла и,*

следовательно, отправиться обратно не может. **Что за оказия?.., но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей; видите, как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия!.. Л вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это -прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которыми ходят обозы через Кабарду из Владикавказа в Екатериноград (Лермонтов); 2) риторико-синтаксическая структура (ри горичское восклицание, как в примере выше, или риторическое обращение, как в контексте ниже); 3) пространственно-композиционное положение на «текстовой плоскости. как правило, выражающееся в вынесении в отдельный абзац, с тем чтобы вставка не сливалась с базовым текстом: - Я уверен, - продолжал я, - что княз/сна в тебя уж влюблена. Он покраснел до ушей и надулся.**

О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!.. –

- У тебя все шуточки! - сказал он, показывая, будто сердится (Лермонтов).

Эксплицитные вставки маркируются с помощью каких-либо знаков, сигнализирующих о разрыве линейной цепи: 1) слов (вербальные) или 2) знаков препинания (невербальные пунктуационные). Следовательно, вставки могут быть как вербальные, так и невербальные. Наиболее исследованы невербальные вставки, выделенные скобками [Шаймиев 1981; Гаврилова 2003 и др.]. Есть отдельные сведения о вставках, выделенных тире или многоточиями [Шварцконф 1988; Гаврилова 2003], остальные же - вообще не исследованы.

В русском языке есть специализированные вербальные показатели связи данного фрагмента с базовой частью текста, обозначающий «сбой» линейности текста, например: **кстати, кстати сказать, к слову, заметим, попутно отметим, забегая вперед**, которые адресат обычно интерпретирует следующим образом: «Я обращаю внимание адресата, что в дискурсе есть основная линия повествования/ развития

мысли и побочная, нарушающая его линейность». Такие текстовые вставки можно назвать вербальными. Вербальные вставки - это отрезок текста / фрагмент дискурса, который служит выравниванию фоновых знаний коммуникантов, содержит комментарий, высказывание по ассоциации, сентенцию и содержит вербальный показатель связи этого фрагмента и базовой части текста (предложения), эксплицирующий разрушение линейного характера высказывания. Пунктуационными вставками могут быть вербальные и невербальные вставки, которые выделены в тексте с помощью скобок, многоточий и в предложении с помощью тире.

Текстовые вставки встречаются и, как правило, оформляются одинаково и в прозе первой половины XIX в. (А. С. Пушкин, роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»), и в литературе XX в. Обратимся к роману М. Ю. Лермонтова, в котором вставки преимущественно или эксплицированы вербально, или являются имплицитными. Часто он нарушение линейности текста обозначает вербально. например: *Помилуйте, отчего же с тоски по родине? Из крепости видны были те же горы, что из аула, - а этим дикарям больше ничего не надобно. Да притом Григорий Александрович: каждый день дарил ей что-нибудь: первые дни она молча гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанище и возбуждали ее красноречие. Ах, подарки! чего не сделает женщина *за цветную тряпочку!.. Ну, да это в сторону... Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учился по-татарски, и она начала понимать по-нашему. Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, когда слушал ее из соседней комнаты (Лермонтов). Особенность данного контекста состоит в том, что вставка *Ах, подарки! чего не сделает женщина за цветную тряпочку!..*, представляет собою сентенцию, то есть такое высказывание, которое, по справедливому замечанию И. Р. Гальперина, представляет собой некое обобщение, лиш*

косвенно (иногда очень отдаленно) связанное с базовой частью текста, характеризуется особой самостоятельностью внутри текста; «это микроотступление», которое обладая некоторыми признаками авторского отступления, тоже выполняет функцию «торможения» повествования и при этом «более тесно связана с сюжетной линией, чем отдельное СФЕ или целая глава, как это имеет место в романе Толстого «Война и мир», где рассуждения писателя о войне, о стратегии, о политической ситуации периода Отечественной войны 1812 года и др. постоянно прерывает нить повествования» (Гальперин, 1981, с. 99). Вообще сентенции вводятся в текст по-разному: и имплицитно, и с помощью метапоказателей. Так, языке XX и XXI вв. часто в этой функции используется слово **вообще**: *Ирина во многом права, хоть, по её словам, склонность к анализу не является женской чертой. Вообще, я думаю, анализировать - это свойство умного человека, не зависящее от его половой принадлежности* (Комсомольская правда. 1998, № 7).

Как видим, во фрагменте из романа М. Ю Лермонтова говорящий, размышляя, осознает, что, вводя сентенцию, связанную с ключевым словом последней фразы (**подарки...подарки**), включает в повествование размышление, иными словами, переходит на другую, побочную, линию, и тем самым нарушает линейность речи. Результат рефлексии говорящим собственного речевого поведения обозначен с помощью метавысказывания **Ну, да это в сторону**, с помощью которого адресант возвращается к главной тематической линии. Следует отметить, что в художественной литературе, так же как и в научной, встречаются метапоказатели: **отвлекаясь от темы изложения, переходя к другой линии повествования, параллельно с этим**. Но гораздо чаще, чем метавысказывания, в речи используются вводные элементы **кстати, кстати говоря**, сигнализирующие об отклонении от повествования, например: *В два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору - две версты в два часа! Между тем тучи спустились, повалил град, снег; ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как*

Соловей-разбойник, и скоро каменный крест скрылся в тумане, которого волны, одна другой гуще и теснее, набегали с востока...Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил император Петр I, проезжая через Кавказ; но, во-первых, Петр был только в Дагестане, и, во-вторых, на кресте написано крупными буквами, что он поставлен по приказанию г. Ермолова, а именно в 1824 году. Но предание, несмотря на надпись, так укоренилось, что, право, не таешь, чему верить, тем более что мы не привыкли верить надписям. Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная (Лермонтов). В данном контексте текстовая вставка информативного характера, она похожа на вставку по ассоциации и выполняет функции выравнивания фоновых знаний повествователя и читателя, а также культурологическую. Употребление **кстати** облегчает восприятие контекста читателем, а следовательно, и уменьшает время и его декодирования.

В современной журналистике как определенная коммуникативная стратегия используются тексты с подобными информативными вставками, которые выполняют культурологическую функцию или позволяют провести параллель из другой эпохи, парадигмы и т. д., иными словами, выполняют функцию выравнивания фоновых знаний коммуникантов, например: *Но никто так не умел льстить монархам, как генерал-прокурор Глебов. Когда Пётр III давал дворянству особые привилегии, Глебов предложил воздвигнуть императору золотую статую. Кстати, при этом царе иная участь ждала бы узника Лефортовской тюрьмы, некогда и о. генпрокурора РФ А. Ильюшенко, обвиняющегося во взятках по делу "Балкар-Трейддинг"*.

Так, некий ходатай поднёс Глебову и ещё другим сановникам по две тысячи дукатов за положительное решение его дела в Сенате. Глебов проговорился об

этом государю, но тот не только наказал мздоимца, но затребовал себе половину. Не случайно, при Петре I.11 Глебов стал первым александровским кавалером (Комсомольская правда. 1997. №4). В целом в данном дискурсе релизуется принцип «монтажности» (Мартыанова 2003): в базовом тексте идет речь о событиях XV111 века, во вставке — о факте XX века, тем самым нарушается временная одноплановость, а значит, и линейность дискурса. Однако в результате такого авторского решения возникает глубинный подтекст, информация исторического плана приобретает актуальное звучание.

В газете «Известия» последних лет XX века на поле некоторых статей актуального характера появляются мини-тексты с заголовком **“Кстати”**, выделенные полужирной рамкой и информативно связанные с содержанием какого-то фрагмента газетной статьи, и в результате такого стратегического решения возникает подтекст, порою и иронический. Так, например, в одном из материалов 2002 года в газете «Известия» шла речь о предстоящем “значительном повышении” работникам высшей школы тарификационным надбавок за ученое звание и ученую степень, а параллельно, чтобы не нарушать линейность и цельность текста, была приведена вставка в рамочке, содержащая информацию о существующих на момент публикации тарификационных ставок. В результате связывания информации, содержащейся во вставке, и словосочетания “значительное повышение” из базового текста возникла ироническая тональность газетной публикации.

Вербальные показатели вставки, или нарушения линейности высказывания, могут быть как препозитивны относительно вставки (*здесь уместно сделать одно отступление, кстати, кстати сказать, вообще* или их стилистические синонимы - *к слову, заметим*), так и постпозитивны (*Ну, да это в сторону, вернёмся к предмету разговора, итак, словом /одним словом, короче говоря, короче*), например: *Я засветил серную спичку и поднес ее к носу мальчика: она озарила два белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы. Он стоял передо мною*

неподвижно, и я начал рассматривать черты его лица.

Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и прочих. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто с потерей члена душа теряет какое-нибудь чувство.

Итак, я начал рассматривать лицо слепого; но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз? (Лермонтов) В данном контексте базовый текст репрезентирует мир, наблюдаемый, созерцаемый с помощью органов зрения, вставка же — мир ментальный (*Признаюсь, я имею сильное предубеждение...*) Слово **итак** имеет здесь частотное значение «возвращаюсь к месту разрыва» и является маркером одной из границ вставки.

Подобные художественные решения встречаются и в переводных художественных текстах XX в.: *Я полежал а постели, выкурил сигарету. Хотел звякнуть Джейн - узнать, дома ли она, но настроения не было. Тогда я позвонил Салли Хаис. Она училась в пансионе Мери Э. Удроф, и я знал, что она уже дома: я от нее получил письмо неделю назад. Не то чтобы я был от нее без ума, но мы были знакомы сто лет, я по глупости думал, что он ужасно много знала про театры, про пьесы, вообще про всякую литературу. Когда человек начинен такими знаниями, не скоро сообразишь, глуп он или нет. Я в этой Салли Хаис годами не мог разобраться. Наверное, я бы раньше сообразил, что она дура, если бы мы только не целовались. Плохо то, что, если я целуюсь с девчонкой, я всегда думаю, что она умная, никакого отношения одно к другому не имеет, а я все равно думаю. Словом, я ей позвонил. Сначала подошла горничная, потом её отец (Д. Сэлинджер. Пер. Р. Райт-Ковалева).* В этом фрагменте текста вставка представляет внутреннюю речь рассказчика-персонажа, монолог-«некий поток сознания», и интересна тем, что она демонстрирует, как в дискурсе может нарушаться основная линия изложения (принцип «машины времени») и говорящий может достаточно

далеко отклониться от неё. В функциональном плане она уравнивает пресуппозиции повествователя и читателя, в композиционном плане она играет роль «экспозиции». Но, чтобы вычленив её, интерпретатор должен обладать лингвистической компетенцией, поскольку эта вставка сливается с базовым текстом, в отличие от предыдущей, которая пространственно оформлена абзацем. И только металоказатель словом выступает в данном контексте в роли ключа, с помощью которого рассказчик переключает пас с монолога-размышления персонажа на основную линию повествования, возвращает с новой микротемы к старой.

Метапоказатели, стоящие в препозиции, предупреждают о том, что нарушается линейность текста, иными словами, что началась вставка, а правую границу читатель определяет сам, то есть решает коммуникативно-лингвистическую задачу. Тогда как в контекстах с постпозитивным относительно вставки метапоказателем, наоборот, левая граница между базовым текстом и вставкой имплицитна, а вербально обозначена правая. Итак, занимая и

препозицию или постпозицию относительно вставки метапоказатели выполняют демаркационную функцию, хотя и не в полной мере. Одновременное маркирование начала и конца вставки, как в контексте *А не думаете ли вы, Лев Глебович, что есть нечто символическое в нашей встрече? Будучи ещё на terra firma, мы друг друга не знали, да так случилось, что вернулись домой в один тот же час и вошли в это помещенье вместе. Кстати сказать, - какой тут пол тонкий! А под ним - черный колодец. Так вот, я говорил: мы молча вошли сюда, ещё не зная друг друга, молча поплыли вверх и вдруг - стоп. И, наступила тьма (Набоков)*, встречается достаточно редко. Следовательно, вербальная рамка редко эксплицирует вставку, подобно парным знакам препинания (скобки, тире, многоточия). Таким образом, названные метапоказатели маркируют отклонение в сюжетной линии, введение иной тематической линии, смену функционально-смыслового типа речи и, безусловно, облегчают декодирование и структурирование информации.

Заключение

В заключение заметим, что все выбранные фрагменты текста в сущности подтверждают мысль Р. Барта о том, что любое повествование существует в переплетении различных кодов, их постоянной «перебивке» друг другом, что порождает «читательское нетерпение» в попытке постичь вечно ускользающие нюансы смысла (Барт, 1989, с. 455 - 456).

Заканчивая сюжет о линейности дискурса, подчеркнем, что выбор варианта построения текста обусловлен творческой волей его автора: с одной стороны, это может быть стандартный текст с линейными отношениями (иногда эксплицированными метапоказателями: **следовательно, значит, выходит**), который отражает последовательно или одновременно во времени происходящие события, ситуации; а с другой стороны, текст может представлять собой монтаж эпизодов, не связанных линейно, и отражать скачкообразность, прерывистость,

беспорядочность жизни (что маркируется метапоказателями типа **кстати, заметим, к слову, сделаем отступление, забегаем вперед** и т. д.). Отклонение от стандарта проявляется в нарушении линейности, которое чаще всего проявляется в явлении вставочности.

Вставки, вторгаясь в текст, различаются в плане формальной организации. Можно выделить три вида текстовых вставок: маркированные вербальные (с помощью метапоказателей), маркированные пунктуационные и имплицитные. Текстовые вставки функционируют во фрагментах текста, представляющих различные функционально-смысловые типы речи. В целом, вербальные вставки отражают не только речемыслительную рефлексию адресанта. Это преимущественно вставки для читателя: в художественном тексте текстовая вставка, как правило, выполняет эстетическую функцию, поскольку служит созданию художественной «картины мира»:

она замедляет повествование (как будто кинематографическая камера задержалась на какой-то эстетически важной детали), играет роль «экспозиции», выполняет культурологическую функцию, вводит внутреннюю речь персонажа или лирическое отступление автор (с этой позиции является

средством характеристики языковой личности) и т. д.; в публицистическом и научном текстах вставки могут выполнять культурологическую функцию, а чаще служат выравниванию фоновых знаний коммуникантов.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М, 1989.
2. Гаврилова Е. И. Вставки в текстоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. н. – Барнаул, 2003.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
4. Диброва Е. И. Категория связности художественного текста // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. – М, 2001. С. 300-301.
5. Колосова Т. А. Еще раз о явлении вводности и вставочности // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. – Новосибирск, 1997. С. 268-270.
6. Ляпон М. В. Вставная конструкция // Русский язык: Энциклопедия. Изд. 2-е. – М., 1997.
7. Мартянова И. А. Текст киносценария и киносценарий текста. – Санкт-Петербург: Наука, 2003.
8. Перфильева Н. П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знаков в тексте. – Новосибирск, 1994. С. 38-46.
9. Перфильева Н. П. Вставка и текст // Проблемы интерпретационной лингвистики. – Новосибирск, 2000. С. 101 - 107.
10. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения – М., 1990.
11. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс. 1990.
12. Stapp H. P. Mind, Matter, and Quantum Mechanics // Foundations of Physics. 1982. № 12. P. 363-399.
13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
14. Шаймиев В. А. Роль вставных предикативных единиц в семантической организации текста // Функционирование синтаксических категорий в тексте. – Л., 1981. С. 81-88.
15. Шаймиев В. А. Роль вставных конструкций в реализации текстовых категорий // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. – Л., 1988. С. 117- 126.
16. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и её функционирование. – М.: Наука, 1988.